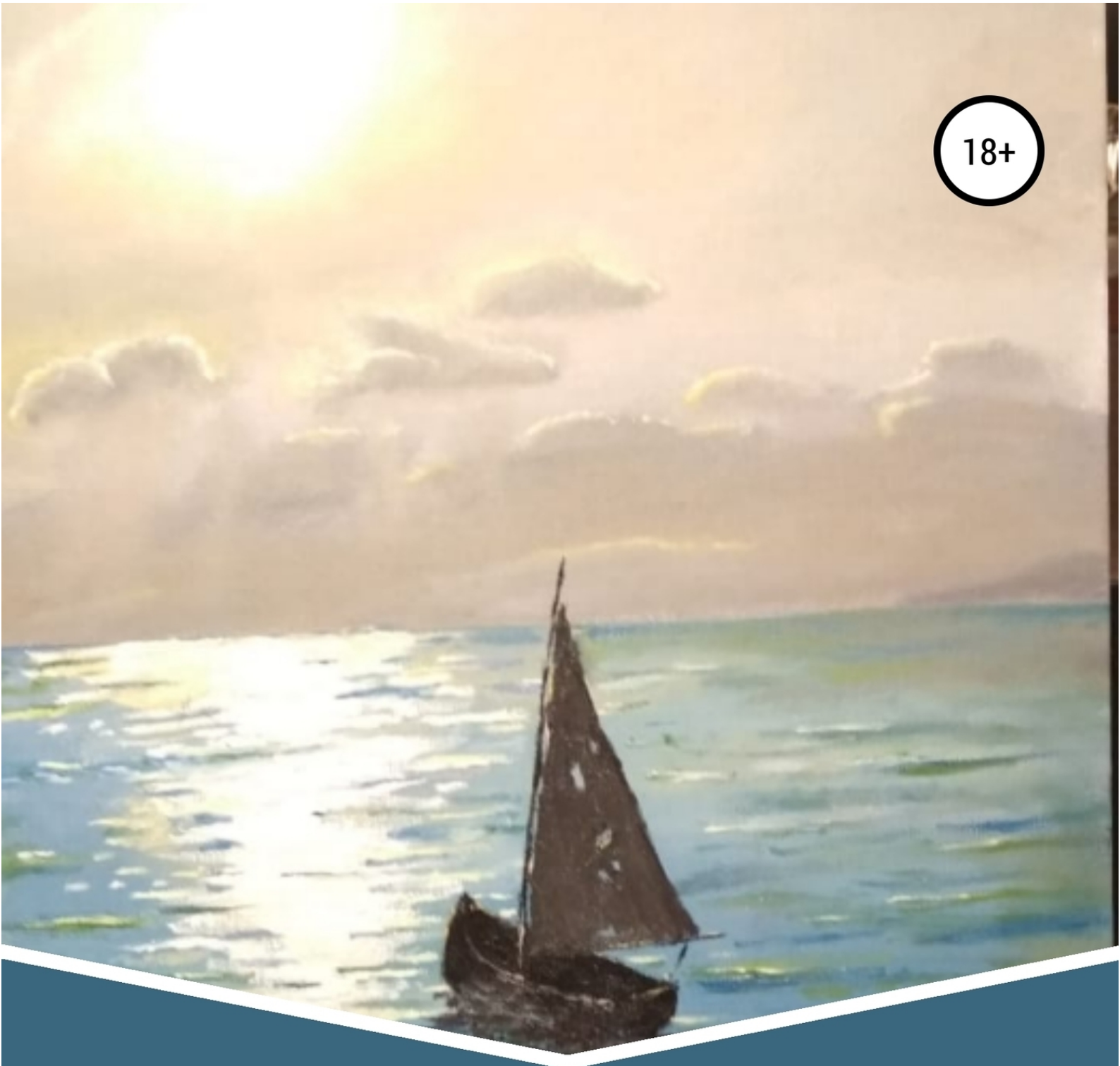

18+

Сочнев Павел

Старая лодка

Размышления

Павел Сочнев

Старая лодка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сочнев П. Н.

Старая лодка / П. Н. Сочнев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Размышления о жизни и предназначении. Наваяло картиной, которую написал под воздействием мыслей. Круг замкнулся. Сейчас картину и рассказ можно считать законченными. Картине не хватало рассказа, рассказ был бы неполным без картины.

Содержание

Старая лодка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Старая лодка

Начал писать я недавно, хотя научили писать меня давно. Ещё раньше научили читать. Спасибо моим родителям, которые во времена отсутствия интернета выписали мне, МОЮ газету. Газету для меня! Это была «Пионерская правда». Журналы, «Весёлые картинки» и «Мурзилку», выписывали раньше, но тут – газета. Я сразу стал взрослее. Детские журналы с минимумом текста и обилием картинок, это как-то совсем по-детски. Начал читать газету, ещё не зная некоторых букв. Просто первая газета пришла чуть раньше, чем нас научили всему алфавиту. Некоторые буквы мне казались не допечатанными или напечатанными неправильно. Сначала подсказывали родители, потом доучили.

То, что все подписки были за деньги, я в том возрасте не думал. Как-то не очень правильно меня (а может быть всех нас учили/воспитывали). Я знал, что буду работать, потому что все работают. Про разницу зарплат не задумывался совсем. Про престижность профессий – тоже. Собеседований и конкурсов, вероятно, в Советском Союзе не было, кроме проходного бала в послешкольное учебное заведение. Да и такого понятия как «Х человек на одно место» я не знал. Не буду утверждать, что это понятие отсутствовало, но я знал про «проходной бал» и всё. Словом, совсем дикий был. Далёкий от современной цивилизации. Я может быть даже экземпляр предыдущей ступени эволюции. Или предпредыдущей.

Большинство из нас говорили, что мечтают стать космонавтами. Хотя, что я пишу? Правильнее – некоторые. Особенно, если спрашивают взрослые. Особенно – если чужие и важные. Но это так – баловство было. Стать моряком гораздо понятнее. Вот оно море, вот они рыбаки, моряки, а вот это, наверное, капитан. Как стать, тем, кем ты хочешь стать, интересовало меньше.

А мне моряком стать не очень хотелось. Я плавать не умел. Не умею и сейчас. Всё как-то руки/ноги не доходят. А как папа – шофёром, хотелось. Когда в очередной раз поехали в отпуск на материк (про «материк» расскажу сразу за вот этим), родители купили билет на паром. Около двенадцати часов морской романтики. Во втором классе. Второй класс – это душная, стальная коробка под палубой, с одним иллюминатором на всех (некоторые коробки без иллюминатора) и с креслами для сидения рядами. Всего человек на двадцать каждая коробочка. Её официально называют каютой. Но это такое официальное название, которое немного отличается от реального состояния.

На палубу нужно было подниматься по высокому и крутому трапу. А на палубе холодно. Ну не совсем холодно, но зябко. И романтика дальних морских путешествий скрылась за горизонтом вместе с очертаниями Сахалина. И всё – «и только море, только море за кормой...». И по бокам море, и впереди море. Качки сильной не было, но попадание в дверь стоило небольших усилий. Не получилось ни романтики, ни любви к морю. Не вспыхнул я этой любовью и потом, почти до пятидесяти лет, «любил море с берега». Очень любил, но с берега.

А ещё, много потом, мне захотелось стать танкистом как старший брат и я поехал «сдаваться» в военкомат. Чтобы научили профессионально защищать Родину. Любить Родину меня (как, впрочем, многих того поколения) уже научили и отучивать от любви, в то время, не собирались. Военкомат завернул меня из-за близорукости. Типа негоже очкарикам служить. Совсем нигде, здоровые в очередь стоят и дефицита не предвидится. Так и погасла для меня одна из первых путеводных звёзд. Погасла так, что во все последующие мои попытки придумать своё, нужное для общества, предназначение, я учитывал свою «неполноценность». Не стал учитывать уже ближе к тридцати годам. Причём ближе к тридцати, когда мне было уже тридцать, но ещё далеко не сорок. Получается, что к тридцати ближе.

А на «материк» ездят все дальневосточники, даже те, которые живут на материке. Дальний Восток – не весь материк, но бОльшая, по площади, часть – не острова. Это часть территории нашей страны, которая не всегда окружена водой, но от материка находится так далеко, что некоторые не дальневосточные острова находятся к матерiku ближе. А материк начинается где-то на западе (от Сахалина), там, где местные перестают упоминать это понятие. Например, Красноярск уже материк, потому что местные на материк не ездят и даже не знают, что это такое. Хабаровчане знают и если собираются ехать/лететь на запад, то это «на материк».

А с Крайнего Севера люди ездят (летают) на Землю. Когда-то говорили, что на Большую Землю, а потом сократили – просто на «Землю». Для тех, кто едет с Севера, Земля начинается за Тюменью. Для тех, кто едет с Запада на Восток или обратно, Тюмень – это земля, но они такого понятия не знают.

Чтобы само собой говорилось «на Землю», нужно забраться подальше на Север, немного там побыть, до тоски о цивилизации. И не уезжать до тех пор, пока северный быт и природа не станут привычным. И как только это случится (обязательно случится, если пробыть год, но может хватить и одного сезона. Лучше зима или лето), то двигать на жд вокзал. Самолётом оно, конечно, быстрее. Но с Севера самолёты обычно летают на Землю. А на вокзале и в поезде можно будет услышать и даже самому, при случае сказать – «на Землю...».

У тех, кто северяне, это звучит просто и как-то обыденно, а у тех, кто только-только «понюхал» Север, это обычно звучит очень мужественно. Как у настоящих покорителей, переживших что-то невообразимое и выживших не по воле случая, а лишь благодаря своим исключительным качествам. Они не задумываются, что там, где они выживали, другие просто живут и настолько привыкли к этому «невообразимому», что его даже не замечают. Более того, Север тянет обратно, тех, кто к нему привык, но почему-то вдруг его покинул. Я с трудом это пережил. А некоторые мои знакомые не выдержали и вернулись.

Большинство из моих одноклассников, по окончании школы, даже поступили в «мореходку» (в «бурсу»). Доучились и стали моряками только двое. Остальные поняли, что это не их. А я поступил в ХПИ (Хабаровский Политехнический Институт) который студенты между собой называли школой. «Институт» звучал как-то напыщенно. И светило мне стать «завгаром», и отрабатывать лет пять в соответствии с распределением. И всё было, в принципе, достижимо, но, когда осталось учиться четыре года из пяти, я ушёл в армию.

Сам ушёл, добровольцем. Сам пришёл в военкомат, сам попросился, сам настоял, чтобы не потом, а сейчас и пофигу то, что в институте была военная кафедра. И я мог бы стать офицером автомобильных или даже танковых войск. Но роковое стечение обстоятельств (в данном случае «рок» это не что-то ужасное, а просто «судьба») закинуло меня в Отдельный Приполярный (кажется даже Особый или Специальный) радиотехнический полк противовоздушной обороны Краснознамённого Дальне Восточного округа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.